

О НЕОБХОДИМОМ УРОВНЕ НАУЧНЫХ РАЗРАБОТОК ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

В статье анализируются проблемы реализации права в области прав человека при взаимодействии международного и внутригосударственного права.

Реализация права вообще и применительно к осуществлению прав человека в частности является основным и необходимым показателем эффективности как внутригосударственного, так и международного права. Область прав человека – предмет совместного регулирования для этих обеих правовых систем. Этот фактор и предопределяет необходимость рассмотрения проблемы реализации права в свете взаимодействия международного и внутригосударственного права. Эта необходимость объясняется прежде всего следующим:

1. Уважение прав и основных свобод человека является основным принципом современного международного права и представляет собой по юридической силе норму *jus cogens*, т. е. императивную норму международного права. Субъектами реализации этой нормы – принципа являются прежде всего государства. Во исполнение этого принципа государства принимают на себя международные обязательства признавать основные права человека и обеспечивать их осуществление в объеме не ниже международных стандартов.

2. Взаимодействие международного права и внутригосударственного права прослеживается на всех стадиях правового регулирования, в особенности на стадии нормотворчества и на стадии реализации права. На этих стадиях правового регулирования происходит своеобразное «перекрещивание» международного и внутригосударственного механизмов правового регулирования. Стадии реализации международного права соответствует такой элемент механизма международно-правового регулирования, как **правореализующая** деятельность государств – субъектов международного права. Право-

реализующая деятельность каждого государства в механизме международно-правового регулирования должна состоять из актов имплементации норм международного права (актов правотворчества) и из актов, обеспечивающих осуществление имплементированных норм (прежде всего правосстановительных, правоохранительных, контрольно-надзорных актов применения права). Таким образом, на стадии реализации международного права к механизму международно-правового регулирования (ММПР) подключается внутригосударственный МПР, и на конечный результат осуществления правовых норм о правах человека оказывают влияние все факторы, детерминирующие эффективность двух механизмов правового регулирования, – ММПР и внутригосударственного МПР.

В современных условиях взаимозависимого мира решение проблемы реализации права, как международного, так и внутригосударственного, т. е. перевод правовых моделей развития и охраны внутригосударственных и международных отношений в практическую плоскость, в реальные общественные отношения, зависит во многом от уровня научного осмысления в целом правовой действительности, от адекватного отражения в научных выводах и рекомендациях всех процессов как внутри отдельного общества, официальным представителем которого является государство, так и в системе современных международных отношений, в международном сообществе в целом.

Сама проблема реализации права (правоосуществления) нуждается как в уточнении специального, так и фундаментального знания, что неизбежно ставит перед юридичес-

кой наукой в целом задачи общего характера. Однако, принимая во внимание ставший аксиомой тезис о том, что состояние специального знания зависит от состояния фундаментального знания, позволим себе утверждать, что сегодня, в XXI веке, без активизации *революционных фундаментальных исследований* в правоведении невозможно будет обеспечить решение специальных научных задач. По существу этот вывод был сделан еще в XX веке в отечественной доктрине применительно к роли общей теории государства и права как фундаментальной науки правоведения. Общая теория государства и права как фундаментальная наука правоведения призвана выполнять прежде всего *специальную методологическую функцию*. Методологическую функцию фундаментальной науки, как нам представляется, следует *определить как основные направления научных разработок, по которым прослеживается значимость этой науки в качестве ориентиров* [1] *в познавательной деятельности специальных по отношению к ней наук*. В правоведении именно общая теория государства и права является фундаментальным знанием, поскольку, как справедливо отмечал А.М. Васильев, «*фундаментальные исследования государственно-правовой реальности как специального объекта правоведения в целом составляют самую суть предмета этой науки; общая теория государства и права, углубляя свои знания о существенном (сущностном) и закономерном, призвана показать логику развития и теоретически достоверную на данный момент картину государственно-правовой формы общественной жизни, выразив ее в системе понятий, категорий такой, какая есть в действительности*» [2]. Таким образом, общая теория государства и права составляет фундамент необходимого знания для специальных по отношению к ней юридических наук. Действительно, общая теория государства и права представляет собой систему развернутых категорий и понятий, закрепляющих познанное сущностное и закономерное в государственно-правовой надстройке. Поэтому основные категории и понятия этой науки входят составной частью в структуру метода специальных юридических наук, в

чем и состоит одно из основных проявлений методологической функции общей теории государства и права в правоведении. Другим основным проявлением методологической функции общей теории государства и права следует считать разработку ею методологических проблем в правоведении. Находясь в классификационном ряду обществоведения между философией, имеющей фундаментальное значение для обществоведения в целом, и специальными юридическими науками [3], общая теория государства и права призвана показать, *как преломляются категории диалектики в познании государственно-правовых явлений по всем направлениям, определить специфику действия законов диалектики, диалектической логики в познании государственно-правовой действительности, идущем от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д., а также вскрыть особенности проявления общесоциологических законов в государственно-правовой сфере общественной жизни, рассматривать вопросы о степени пригодности тех или иных приемов исследования в правоведении и о правилах их применения в исследовательской деятельности*. Наконец, третий аспект, осуществляемой общей теорией государства и права методологической функции состоит в большой мировоззренческой нагрузке, которую она несет в правоведении, а мировоззрение, как известно составляет основу формирования правового сознания в целом, международно-правового сознания – в частности. Принимая во внимание отмеченные аспекты методологической функции общей теории государства и права, можно сделать вывод о том, что от состояния фундаментальных исследований в правоведении, т. е. от уровня научных разработок в рамках общей теории государства и права, во многом зависит развитие специальных юридических наук. Столь ответственная роль общей теории государства и права в правоведении предполагает необходимость со всей серьезностью подойти к вычленению из целого ряда научных проблем наиболее *важных, узловых*, решение которых само будет служить методологической основой для решения научных проблем иного уровня. **Одной из таких узловых про-**

блем правоправедения и является проблема соотношения внутригосударственного и международного права [4], частным вопросом которой является проблема реализации права в свете взаимодействия внутригосударственного и международного права. Представляя собою знание о сущностном и закономерном в *государственно-правовой действительности* и тем самым будучи способной выявить и обосновать на более высоком (по сравнению со специальными юридическими науками) уровне познания (теоретического обобщения) роль государства и права разной сущности в процессах, протекающих как во внутренней, так и в международной жизни, общая теория государства и права как одна из фундаментальных наук обществоведения совместно с другими фундаментальными науками обществоведения призвана прежде всего *проникнуть в суть данных общественных процессов, определить перспективы развития национальных и международных отношений, вскрыть существенные закономерные связи между ними, выявить движущие силы этого развития.*

Однако, если соотнести достигнутый на сегодня уровень теоретических разработок в общей теории государства и права со стоящими перед ней задачами, производными от ее статуса фундаментальной науки правоправедения, можно легко убедиться в том, что этот уровень еще не достаточен. Примечательно, что к этому выводу автор пришел более двух десятилетий тому назад и этот вывод не утратил своей актуальности и в современных условиях. К сожалению, как и два десятка лет тому назад, в общей теории государства и права по-прежнему государственно-правовая реальность исследуется главным образом применительно к системе внутренних отношений. Если в исследовании государственности юристы-теоретики прибегают иногда к анализу функционирования *государства* в области международных отношений, то *право* исследуется ими в основном и по сей день без учета специфики современного международного права. Односторонний, в известном смысле, подход к исследованию правовой реальности соответственно сказывается на содержании общеправовых

категорий; последние отражают знание лишь о внутригосударственном праве. Это снижает фактически методологическую значимость общей теории государства и права для такой специальной по отношению к ней науки, как международное право.

Назрела необходимость преодоления сложившегося в общей теории государства и права стереотипа в подходе к исследованию правовой реальности. Все отмеченные задачи общей теории государства и права были обозначены автором настоящей статьи еще в 1984 году [5]. В том же году состоялось заседание расширенного Ученого совета Института государства и права АН СССР (ИГПАН СССР) совместно с преподавателями Свердловского юридического института. Заслушанные на этом заседании доклады первого заместителя директора ИГПАН СССР проф. А.М. Васильева и заведующего кафедрой международного права Свердловского юридического института проф. Г.В. Игнатенко и результаты обсуждения этих докладов свидетельствовали о том, что впервые был достигнут *консенсус* позиций между академической и вузовской наукой по вопросу о необходимости **синтеза знаний** о государственно-правовой реальности, прежде всего в исследовании проблемы **соотношения международного и внутригосударственного права**. Представители такой научной дисциплины, как общая теория государства и права впервые на таком высоком форуме признали необходимость в своих исследованиях повернуться лицом к международному праву, и прежде всего – к проблеме соотношения внутригосударственного и международного права [6]. Доклад видного теоретика права проф. А.М. Васильева был посвящен взаимодействию *систем* национального (внутригосударственного) и международного права. В своем докладе проф. Васильев, подчеркивая необходимость синтеза знаний, признавал, что не специалисты в области общей теории государства и права, а именно юристы-международники вышли на теоретическое осмысление взаимодействия обеих правовых систем. По выражению А.М. Васильева, юристы-международники *не только почувствовали необходимость научно-*

го осмысления новых реалий в международном общении, но и «подвергли серьезному научному анализу и предложили свои объяснения» [7, с. 65]. Более того, А.М. Васильев справедливо подметил, что если в международно-правовой науке сформировались достаточно устойчивые, хотя и не во всем, взгляды на проблему соотношения международного и внутригосударственного права, то в общей теории права, «ориентированной на отраслевые юридические науки, по этому вопросу есть лишь соображения, по существу, отгораживающие ее от проблем международного права» (курсив наш. – А.Н) [7, с. 65] А.М. Васильев иллюстрирует свою негативную оценку участия специалистов в области общей теории права в исследовании проблемы соотношения внутригосударственного и международного права выдержками из фундаментального (на тот период) курса «Марксистско-ленинская общая теория государства и права», где о международном праве сказано как об *отрасли права*, которая не входит в систему права какого-либо государства, а также из основного труда ведущего специалиста в области правовой теории (того времени) проф. С.С. Алексеева «Общая теория права», в котором С.С. Алексеев вообще пишет о праве как о национальной системе, противопоставляя внутригосударственное право международному праву. По существу С.С. Алексеев под правом в полном смысле слова действительно подразумевает только внутригосударственное право. А.М. Васильев проанализировал на предмет рассматриваемой проблемы и учебники теории государства и права и также пришел к неутешительному выводу о том, что «проблемы соотношения внутригосударственного и международного права для теоретиков остаются открытыми» [7, с. 65]. Подчеркивая общенаучную значимость вопросов этой проблемы, признавая особую роль в их решении международно-правовой науки, проф. А.М. Васильев указал на «отставание теории государства и права в решении перечисленных вопросов» и на необходимость «воспринять это как выявленную потребность включения общей теории права в разработку проблем взаимодействия международного и нацио-

нального права» [7, с. 65-66]. Предложения профессора Васильева в целом получили всеобщую поддержку участников развернувшейся на заседании Ученого совета ИГПАН СССР дискуссии [8].

К сожалению, этот неутешительный вывод проф. Васильева А.М. не утратил своей правоты и актуальности и на сегодняшний день. Разумеется, определенные шаги в преодолении отставания общей теории государства и права от решения стоящей перед ней задачи **включиться в разработку проблемы соотношения международного и внутригосударственного права** имели место. Несколько кандидатских диссертаций по специальности 12.00.01 (Теория и история права и государства: история правовых учений) было посвящено отдельным вопросам взаимодействия норм внутригосударственного и международного права. Однако из них нет ни одной работы, посвященной **природе** взаимодействия внутригосударственного и международного права, **общей основе** этого взаимодействия и т. п. В учебных программах по теории государства и права проблема соотношения международного и внутригосударственного права в целом за эти долгие годы так и не нашла прописки. Для иллюстрации обратимся к учебной литературе. Учебная литература по одноименной учебной дисциплине, в которой должны быть представлены основные научные выводы по всем вопросам, составляющим предмет науки, является своеобразной *лакмусовой бумажкой* – определителем состояния (уровня и полноты) научных исследований на период издания того или иного учебника и соответствия научных разработок требованиям общественной практики. Далеко не во всех учебниках по общей теории государства и права обнаруживается упоминание международного права. Так, в последнем учебнике Санкт-Петербургского университета 2005 г. (авторы Поляков А.В. и Тимошина Е.В.) весь понятийный и категориальный аппарат в основном объясняется с позиций внутригосударственного права. Даже при объяснении понятия **правовой системы** (гл. XI §1) авторы не упомянули о существовании такой правовой системы, как международное право. В главе IV «Понятие

права» авторы анализируемого учебника обозначили для себя задачу **интегративного подхода** к пониманию права (с. 109). Казалось бы, именно здесь авторы поднимутся на надлежащий уровень обобщений и назовут общие для внутригосударственного и международного права признаки. Но нет, авторы даже не упоминают в этой главе о существовании международного права. Львиную долю в объяснении признаков права (§3) авторы отвели объяснению принуждения (внешнего, как психического, так и физического) как средства «для достижения целей правовой коммуникации и ее необходимой сущности». Правовая коммуникация при этом рассматривается применительно к определенному общественному организму, коль скоро «общеобязательность государственно признанных» норм увязывается авторами (наряду с другими факторами) с «возможностью государственного принуждения» (с. 112). Авторы в объяснении общеобязательных правовых норм также противопоставляют «самообязывание субъекта при отсутствии права» применительно к нормам нравственности и требование к субъекту, исходящее от управомоченного лица (с. 112) [9]. Отмеченные признаки права не вписываются в характеристику международного права. *Природа международного права не в принуждении, а именно в самообязывании государств как первичных субъектов международного права, поскольку международное право носит согласительный характер*; сказанное относится как к нормотворчеству, так и к обеспечению реализации международного права. Природа самих санкций, применимых к государству-нарушителю, также носит согласительный характер. К сожалению, авторам этого учебника так и не удалось подняться на такой уровень обобщений, чтобы увидеть нечто общее, что позволяет взаимодействовать двум правовым системам – международному и внутригосударственному праву. Примечательно, что обозначив признаки права без учета специфики международного права, авторы этого учебника все-таки в следующем §4 той же главы IV обратились к объяснению международного права. Такая структура изложения вряд ли позволит читателю понять,

относят ли авторы признаки права, обозначенные в §3, к международному праву или нет. Судя по всему, в объяснении международного права авторы исходят не из общности его с внутригосударственным правом (по терминологии авторов – «государственным правом»), а из противопоставления этих правовых систем. Авторы относят международное право к разновидности «социального права» (с. 121), которое в отличие от «государственного», по их мнению, характеризуется слабостью правовых норм (с. 116), а «слабые» правовые нормы в отличие от «сильных» (вероятно, к сильным авторы относят нормы, исходящие от отдельно взятого государства) *«имеют латентный (скрытый) правовой смысл, который, – как сказано в учебнике, – должен каждый раз специально выявляться в процедуре их интерпретации и последующей реализации»* (с. 116). Таким образом, в учебнике явно обнаруживается непоследовательность авторов в исходных посылах общего понимания права. С одной стороны, авторы признают, что «международное право является одним из наиболее ярких примеров того, как многообразие правовой действительности не вписывается в прокрустово ложе правового этатизма» (с. 121), а с другой стороны, по существу о признаках права говорят больше с этатистских позиций, да и отнесение международного права авторами учебника к «слабым правовым нормам», юридическая сила которых явно находится под вопросом, не свидетельствует в пользу четкости занимаемой авторами учебника позиции по вопросу общего понимания права. Реабилитирует авторскую позицию лишь приведенное ими положение из монографии Г. Радбруха «Введение в науку права», содержащее убедительную критику узости взглядов сторонников этатистской теории понимания права: **«Гарантия же правильного исполнения, которую мы признали необходимой для понятия действующего права, присуща международному праву не меньше, чем внутригосударственному. Давление международного общественного мнения приводит даже к тому, – говорит Г. Радбрух, что нарушения международного права бывают куда реже, чем нарушения внутригосударственного права»** [10].

Исходные посылки в понимании права в целом и международного в частности сказались на уровне научного объяснения понятия правовой системы в гл. XI «Действие права», в этом разделе, как уже отмечалось нами выше, вообще не упоминается международное право как особая правовая система.

Приведенная иллюстрация положений из учебника А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной, рекомендованного Ученым советом СПбГУ в качестве учебника для студентов юридических вузов и факультетов, красноречиво свидетельствует о том, что и в XXI веке намечаются лишь робкие попытки выхода в фундаментальных исследованиях на *революционный уровень*, исключающий присущий общетеоретическим исследованиям международно-правовой нигилизм. Обратимся еще к одному из последних учебников по теории государства и права. Это учебник С.А. Комарова «Общая теория государства и права» [11]. В этом лучшем учебнике, рекомендованном в качестве такового Министерством образования Российской Федерации, мы вообще не обнаружили в объяснении общеправовых категорий упоминания о международном праве. Термин «международное право» употреблен лишь применительно к науке международного права в схеме «Система юридических наук» (с. 432). И если соотнести схему на с. 432 и схему на с. 435, озаглавленную «Международное право», то можно легко обнаружить схоластику в позициях автора учебника. В схеме на с. 432 речь идет о науке, а в схеме на с. 435 под за-

головком «Международное право» по существу перечислены некоторые (далеко не все) отрасли международного права; под этим же заголовком указано и «Международное частное право». Таким образом, получается, что автор неправомерно относит к отраслям международного публичного права и международного частного право [12]. Несмотря на то, что С.А. Комаров признает, что «предметом общей теории государства и права является изучение системы общих закономерностей возникновения, развития и функционирования государственно-правовых явлений» (с. 15), а также методологическое значение общей теории государства и права, он по существу игнорирует необходимость изучения государственно-правовой реальности, не только в системе внутренних отношений, но и в глобальной международной системе (ГМС).

Приведенные положения из новейшей учебной литературы свидетельствуют о том, что в преодолении международно-правового нигилизма в рамках общей теории государства и права сделаны лишь отдельные шаги, далеко не решающего свойства, и мы вынуждены в середине первого десятилетия XXI века по-прежнему констатировать: **общая теория государства и права как фундаментальная наука правоведения в своих общеправовых категориях и сегодня не отражает целостной картины государственно-правовой реальности с учетом функционирования обеих правовых систем внутригосударственного и международного права.**

Список использованной литературы:

1. См. Афоничкина Н.В. К вопросу о методологической функции общей теории государства и права в свете решений XXVI съезда КПСС // Сборник научных труд. – ВЮЗИ., – С. 61-62.
2. Васильев, А.М. Общая теория государства и права как фундаментальная наука правоведения // Правоведение. – 1975. - №1. – С.8.
3. См.: Васильев, А.М. Правовые категории, методологические аспекты разработки системы правовых категорий. – М., 1976. – С. 23.
4. На фундаментальный характер проблемы соотношения и взаимодействия международного и национального права указывает и профессор Е.Т. Юсенко. – См.: Усенко, Е.Т. Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. №3-4 1991.
5. См: Афоничкина, Н.В. Цит. соч. – С. 58-70.
6. Материалы этого заседания Ученого совета ИГПАН СССР, см. в журнале Советское государство и право. – 1985. – №1. – С. 64-72.
7. Васильев, А.М. О системах советского и международного права // Советское государство и право. – 1985. – №1.
8. Советское государство и право. – 1985. – №1. – С. 67-72.
9. Поляков, А.В., Тимошина, Е.В. Общая теория права. – СПб.: Издательский Дом С-Пб. ГУ., 2005.
10. Цит. по соч. Поляков, А.В., Тимошина, Е.В. Общая теория права Изд. Дом. С-Пб. ГУ, 2005 г., С. 125.
11. См.: Комаров, С.А. Общая теория права. Издательская программа 300 лучших учебников для высшей школы в честь трехсотлетия Санкт-Петербурга. – СПб., 2004.
12. Согласно классификатору ВАК научная дисциплина «Международное частное право» отнесена к наукам цивилистического цикла (12.00.03), а шифр специальности «Международное право» – 12.00.10.